

Содержание Рубрики

	o ,	
От редакции		<u>3</u>
Контакты		<u>38</u>
	TIpo3a	
Кирилл Сорокин	«Шляпа»	<u>7</u>
Елена Джеро	«Oblivion»	<u>16</u>
	«Мама и рыцари моей юности»	<u>19</u>
	«Незавершенный гештальт»	<u>21</u>
Галина Гладкая	«Мужские игры»	<u>26</u>
Нина Гаврикова	«Сердце матери»	<u>28</u>
Евгения Козачок	«Запоздалая месть»	<u>34</u>
	Стихи	
Евгения Лесик		<u>4</u>
Михаил Блинов		<u>27</u>
Павел Селуков		<u>27</u>
Виталий Козлов		<u>33</u>
	Рисунка	
Ainippa Malakion		<u>Обложка, 6, 24</u>
Александра Миха	сик	<u>32</u>

Здравствуйте, дорогие гитатели!

У кого-то за окном снег, у кого-то — серый асфальт. Зима в этом году удивительна и разнообразна. А главное, переменчива. Но чем бы не радовал пейзаж за окном, в одном можно не сомневаться: периодически его украшают огни фейерверков, и наверняка из каждого можно увидеть хотя бы одну елку. На дворе новогодние праздники.

2013 год закончился, начинается новый, 2014 год, год водяной лошади, год новых свершений и начинаний. Мы хотим пожелать своим читателям и авторам всего самого наилучшего, как бы банально это не звучало. Но ведь все мы такие разные, и так сложно найти слова для каждого. Кому-то хочется пожелать вдохновения, кому-то — новых интересных книг, кому-то терпения и сил на воплощение идей, а для кого-то важнее всего любовь или здоровье. Пусть каждый в этом году получит именно то, в чем больше всего нуждается.

Новогодний номер порадует вас не только соответствующим оформлением, но и новыми именами. А это, пожалуй, самое главное. Ведь именно для этого и существует наша газета. Впрочем, новые тексты привычных, проверенных и давно любимых нами авторов длля нас, и, надеемся, для вас, дорогие читатели, также ценны.

Так что, открывайте номер, читайте и наслаждайтесь.

Приятного чтения!!! Всегда ваша, редакция БУКа!!!

Содрогался в стенаниях горьких обидчивый гром. Фотовспышками молний сверкало мазутное небо. Сумасшедшая ночь, негодуя, жила за окном, За преградой стекла... Ну, а сон — то ли был, то ли не был.

Проносились видения темных, безрадостных дней, Апокалипсис грозно скрывался за кромкой астрала: Человечество гибло в пучине борьбы и страстей... Словно острым клинком, сновидение болью пронзало.

Отгоню я картины безумных и странных времен, Вспомню майское утро и виды зеленых просторов. Погружаясь в глубокий и сладкий целительный сон, Растворюсь в красоте, что достойна художника взоров.

Сумасшедшая ночь насладилась весенним дождем. И под шепот капели забрезжило юное утро. Сумасшедшая ночь! Я тобою для строк возрожден, Что проснутся во мне и подарены будут кому-то.

Время страсти и время борьбы

Время страсти и время борьбы отработанной медью Собирает в хранилище парка скупой листопад. Золотая пора птицей Феникс умрет на рассвете, Унесется заснеженным пеплом куда-то назад.

Будет ветер качать, завывая, раздетые кроны, Ворон крикнет усталое слово с холодных вершин. В опечаленном небе, нависнув глухой обороной, Хмарь упрячет лик солнца в одной из воздушных долин.

Холод прыгнет на землю голодной, прожорливой тварью — В окруженье метелей, с когортой колючих ветров. Королева Зима белоснежной пуховою шалью Мир покроет, чтоб скрыть ностальгию осенних костров.

Но напрасна её суета, бесполезны усилья — Память бережно золото Осени в сердце хранит. Чтоб купить на него для души разноцветные крылья И промчаться с мечтой, словно яркий небесный болид.

В преддверии лета

За далекой неясной воздушной чертой Золотисто-лазурного цвета Небо с морем встречают рассвет, а мечтой Покидают преддверие лета.

Словно чайка, летит их желанье вперед — К жарким дням и объятьям Июня. Где гроза намечает чуть слышный аккорд, А затем вдруг ворвется, танцуя.

Фейерверком из молний наброшена вязь Неожиданных знаков на небо. Ветер с моря на берег влетает, смеясь, И кружится разбойником смелым.

Грохот грома вибрирует в стеклах домов, Покрывая все выкрики ветра. И как стрелы, вонзаются в пыльный покров Капли ливня пришедшего лета.

Где-то там, за далекой неясной чертой Время снова беременно Летом. И встречаются в дымке, с утра золотой, Небо с морем на фоне рассвета.

Mańckoe

Ностальгия серебряных струн растревожила душу. И гитара на время умолкла — устал музыкант. В этом парке — я помню — другие мелодии слушал. И пылал, будто занавес вечности, яркий закат.

Запах майской сирени пьянил без вина, алкоголя. И симфонии вечера вторили тихо сердца. Счастье рядом брело — мы не ждали, не ведали горя. И, казалось, что так будет с нами теперь до конца.

Музыканты оркестра пленяли поэзией вальса. На площадке кружилась, распавшись на пары, толпа. А затем замирала в печальных глубинах романса... И рождались из сердца, с напевами рифмы, слова.

Ностальгия серебряных струн растревожила душу. И опять над землей распростерся сиреневый май... Жаль, что счастье давно от избытка не рвется наружу И меня призывает звонками вечерний трамвай.

Она выходила на улицу

Она выходила на улицу, словно на смерть — На жаркий костер, догорающий пламенем дня. Потерянный взгляд проникал с безразличием в дверь,

Душа устремлялась в горнило, кипенье огня.

Он умер! А мир был по-прежнему радостен, жив

Куда-то бежали машины, толпа, облака. Искрилась на солнце, смиряя свой к морю порыв, Живая, сквозь город несущая воды, река.

Он умер! А мир был по-прежнему трезв, а не

И высились с радостным блеском оконным дома. Довольный и сытый, хранил равнодушья изъян Лоснящийся город. Никто не сходил в нем с ума,

Не прыгал безумно из окон открытых и с крыш... С улыбкой счастливой девчонка бежала с крыльца.

В песочнице строил высокие башни малыш, Которому так далеко, далеко до конца...

«Малыш. Мой малыш!» — так давно он её называл

За линией, что прочертил черным маркером рок. «Ты знаешь, малыш, без тебя... я бы жить перестал...»

И жить перестал! И оставить за линией смог!

Она выходила на улицу, словно на смерть. Но смерть отвергала её, презирая обмен. Но смерть беспощадною жизнью давала ответ... А жизнь равнодушно ткала вечный свой гобелен...

Кирилл Сорокин

Шляпа

— Это ваша? — крупный, ухоженный мужчина, лет, наверное, пятидесяти остановился у моего столика. Он вопросительно смотрел на меня, а рукой указывал на лежащую на краю столика шляпу.

Я был где-то далеко. Где-то глубоко, на дне крошечной чашечки с остывающим кофе и выбираться оттуда совершенно не хотелось.

— Извините, молодой человек, это ваша шляпа?

Нехотя вынырнув, я кивнул и пробурчал что-то невнятное.

- Вы позволите? жестом он показал, что хочет присесть за мой столик.
- Пожалуйста, я немного, ради приличия, подобрался.

Мужчина повесил пальто, сел напротив меня и осторожно взял в руки шляпу...

Я купил её за несколько дней до того, в Хургаде. Мы с Катей бродили по сувенирным магазинам и, в какой-то момент, когда она в очередной раз приклеилась к витрине с украшениями, я увидел свою шляпу в магазинчике напротив. Не сомбреро, не плетёную из Бог знает какой соломки панаму для курортников, не нечто кожаное и ковбойское для любителей вестернов, а именно эту — обычную, фетровую, тёмно-коричневую, с неширокими полями и вмятинками на тулье. Мне всегда хотелось носить шляпу, но отчего-то они мне не попадались, и приходилось довольствоваться кепи и бейсболками. В тот раз я её не упустил.

Когда Катя, рассмотрев и перемерив, всё что ей мог предложить назойливый азербайджанец, выдающий себя за египтянина, обернулась, то не сразу нашла меня взглядом — я стоял прислонившись к фонарному столбу, надвинув шляпу на глаза и сунув руки в карманы брюк.

- Надеюсь, ты не собираешься это покупать? спросила она, смеясь. Я это уже купил.
 - И что, ты будешь в ней ходить?
 - Ешё как!
 - Тогда носи её в руках, и так, чтобы я этого не замечала!

Катя развернулась и быстро пошла по улице. Помнится, я постоял немного, потом бросился её догонять.

В тот вечер мы уже никуда не пошли, отправившись прямиком в отель. Я нёс шляпу в руке и слушал длинный список случаев, когда я, не озаботившись её, Катиным, мнением, делал лишь то, что мне хотелось. Я слушал, и был готов нахлобучить свою покупку на голову первому попавшемуся мальчишке, в ответ на его: «Гив ми паунд!». Но мальчишка мне не попался, и шляпа осталась со мной.

Назавтра гроза улеглась, шляпу я сунул в шкаф и не доставал все оставшиеся дни, пока не пришла пора собирать чемоданы. Упаковать шляпу в чемодан я не мог — она бы неизбежно измялась. Оставалось нести её на голове, потому что руки тоже были заняты большую часть времени...

В самолёте Катины обиды немного забылись, но по пути из аэропорта на железнодорожный вокзал разгорелись с новой силой — слишком много всего я, оказывается, делал не так. Я понимал, что Катя от меня устала и что ещё сутки в поезде, доконают нас обоих. Единственная посетившая меня толковая мысль была о том, чтобы ехать домой разными поездами. Это было неслыханно, но Катя согласилась:

— Может быть, ты поймёшь, что для тебя важнее! — сказала она, и принялась перекладывать вещи из одного чемодана в другой.

Через полчаса Катя, натужно улыбнувшись, помахала мне из окошка вагона, а я, в ответ, приподнял шляпу.

Занималось хмурое октябрьское утро. Я купил билет на вечерний поезд — плацкартный вагон, боковое место у туалета. Были купе и даже спальные, такие, в каком уехала Катя, но эту часть нашего вояжа оплачивали Катины родители, а одному мне было всё равно как добираться.

Над Кремлём бежали низкие, тёмные облака, ветер гнал по площади редкую листву и поднимал седую волну на реке. В тот день Москва мне особенно не нравилась, но я честно прогулялся по набережной, съездил на Воробьёвы горы, на Пушкинскую площадь, к строящемуся храму Христа Спасителя, а потом, зачем-то, в Измайлово и к памятнику героям Плевны. Я перекусывал стоя, а то и вовсе на ходу, пил обжигающий чай из пластиковых стаканчиков и одновременно грел руки, успевшие отвыкнуть от родного климата, но, в конце концов, мне захотелось по-человечески посидеть в тепле и выпить чашечку хорошего кофе.

Это было где-то в центре, где-то в пределах Садового кольца — маленький ресторанчик с баром. Собственно, бар представлял собой малый зал того же ресторана. Совсем малый, крохотный — в помещении была только короткая стойка и пять или шесть столиков, отделенных друг от друга перегородками. Я выбрал столик в сумрачном уголке и попросил эспрессо...

Мужчина осторожно взял шляпу в руки и, держа её кончиками пальцев, как держат компакт-диск или, скорее, виниловую пластинку, покрутил из стороны в сторону, заглянул внутрь, удовлетворённо кивнул, тронул ярлычок и, прищурившись, посмотрел на меня:

- Отличная шляпа! Но с «Борсалино» Вас, определённо, надули.
- Э... Это «Федора»...
- О! приятно видеть знающего человека. Да, действительно, фасон называется «Федора», а «Борсалино» это именитая шляпная фирма. Вы уж простите, что я позволяю себе судить о таких интимных вещах, как чужое благосостояние, но шляпа от «Борсалино» стоит не меньше полутора тысяч, он пристально смотрел на меня, улыбаясь глазами. Долларов. Американских.
 - А разница очень видна? Между «Борсалино» и прочими?
 - Нет, теперь он улыбнулся ещё и губами, не очень.
 - Значит, я сэкономил кучу денег.
 - Это радует!

К нам подошёл официант. Мой загадочный эксперт по шляпам что-то тихо сказал ему, указывая на дверь, ведущую в зал ресторана, затем я услышал слово «коньяк» и официант ушёл.

— Да, простите, я не представился, — он ловко достал из внутреннего кармана визитку и протянул её мне. — Владимир Андреевич.

Тогда я уже откуда-то знал, что разглядывать визитную карточку в присутствии её владельца — дурной тон, и, мельком посмотрев на неё, аккуратно вложил в кошелёк. Из

длинного перечня то ли должностей, то ли званий запомнилось мне только слово «советник», которое почему-то прочиталось как «советчик» и рассмешило.

- Саша.
- Александр! Великое имя! А по батюшке?
- Сергеевич, буркнул я, проклиная назойливого «советника».
- В самом деле?

Я развёл ладони.

- Но, лучше, всё-таки «Саша»?
- Лучше.
- Понимаю.

Владимир Андреевич помолчал, посмотрел по сторонам и снова коснулся шляпы.

— «Федора», да... Знаешь, откуда такое название? Это название фильма, в котором впервые появилась шляпа такого фасона. Да...

Он снова немного помолчал.

— А потом был ещё такой фильм: «Касабланка», но ты едва ли видел его.

Я отрицательно покачал головой.

- Хороший фильм. Чёрно-белый ещё... Ничего, что я на «ты»?
- Нет, что вы!

Официант принёс две пузатые рюмки с коньяком и блюдце с нарезанным дольками лимоном.

- Счёт? коротко спросил Владимир Андреевич.
- Да, пожалуйста.

Владимир Андреевич расплатился и погрозил мне, открывшему было рот, пальцем.

- Не спорь!
- «Похоже, это надолго», подумал я с тоской, но «советник» меня успокоил:
- Знаешь, Саша, каждый раз, когда я бываю в Москве, я прихожу сюда... Встречаюсь с одним человеком. Не здесь встречаюсь, а там, он вяло махнул в сторону двери ресторана, но всегда прихожу пораньше, чтобы посидеть здесь, на том месте, где ты сейчас сидишь. Нетнет, сиди! Прихожу, сажусь, пью коньяк, курю...

Он достал початую пачку длинных тонких сигарет, протянул её мне, одобрительно кивнул, когда я отказался и, подвинув к себе пепельницу, продолжил:

- Правы, пожалуй, мистики, утверждающие, что с этим городом не всё чисто, он снова коснулся шляпы кончиком пальца. Иначе, как бы она здесь снова оказалась, эта шляпа?
- Я пригубил коньяк и подумал, что надо было, всё-таки, ехать с Катей. Не удивляйся. Просто когда-то здесь уже бывал один молодой человек в такой же шляпе.
 - Ну, это не удивительно.
- Да, конечно, Владимир Андреевич улыбнулся. Когда-то, здесь, в этом баре был бильярд: стол с зелёным сукном, над ним лампа. И барная стойка тоже была, на том же, кажется, месте. А ресторанчик там же, где и сейчас. Здесь иногда собиралась «золотая молодёжь». Знаешь такую? Ну, их ещё называли «мажорами» дети непростых родителей, дети, подающие большие надежды. Раздолбаи, одним словом. Раздолбаи с деньгами и большими планами. Водили сюда девчонок, гоняли шары. Не часто, так, под настроение.

Владимир Андреевич, наконец, прикурил сигарету.

— Был тут один... оболтус — лучше не скажешь. Оболтус был не из «золотых», скорее из «позолоченных». Отец его был в чине не малом, но умер, а перед смертью попал в немилость. Понимаешь? Раньше это было серьёзно: сместили человека с большой должности — значит всё, значит друзья руки не подают, соседи отворачиваются, ты никому помочь не

можешь и сам никому не нужен. Оболтус ещё маленьким был, когда отец умер. Но вдову, мать Оболтуса, не обидели: квартиру оставили на Кутузовском, паёк какой-то был и пенсия персональная. Оболтус и школу не лишь бы какую закончил, и в армию не попал — с сердцем у него непорядок выявился. Такой порок, что в армии с ним служить никак нельзя. Зато попал он в институт международных отношений — учился Оболтус неплохо, смог сам поступить. Ну, почти. Да и мать ему изо дня в день твердила: «Учись, Оболтус, учись, выбивайся в люди, уезжай из страны, учись, учись, учись!». Мать видела Оболтуса только дипломатом, ну или, в самом крайнем случае, переводчиком, но исключительно в штате посольства или консульства. А Оболтус вообще никем себя не видел. Оболтус веселился. Студенчество — весёлое время, а уж в такой компании, к какой он прибился, и вовсе. Если бы не мать, Оболтус и учиться бы перестал, но она его дурь время от времени усмиряла, хотя на гулянки с друзьями смотрела сквозь пальцы — понимала, что среди друзей могут оказаться нужные связи, которые ещё не раз пригодятся.

Оболтус веселился до последнего курса, а потом вдруг загрустил. Он влюбился. Влюбился в самую недоступную девушку, какая только оказалась поблизости — в красавицу Анну. Отец Анны был работником посольства, манеры Анны были безупречны, осанка Анны была царственна, а речь снисходительна, потому что будущее Анны было радужно. Как Оболтуса угораздило встретиться с Анной, да ещё и умудриться проводить её домой осталось загадкой даже для самого Оболтуса, но с того дня он пропал. Оболтус забросил друзей и никуда не ходил по вечерам, но засыпал на занятиях, читал, но не понимал смысл прочитанного, ел, и не чувствовал вкуса; он поджидал Анну, чтобы перебросится с ней парой слов, но она ничем его не обнадёживала. Оболтус страдал, но не сдавался, и однажды, когда он, зажмурившись, предложил ей «куда-нибудь сходить», то неожиданно получил положительный ответ. Это было ужасно, но отступать было некуда. Дома Оболтус принял ванну, вывалил на пол содержимое своего платяного шкафа, неумело побрился, хотя брить ему было решительно нечего, и вылил на себя целую склянку одеколона, после чего, ванну пришлось принимать ещё раз. Нарядившись как можно элегантнее (Оболтус знал, что значит «элегантно» и это у него получалось), он выскочил из дому и оказался на условленном месте ровно за час до назначенного времени. Нужно ли говорить, что первое свидание он провалил? Свидание он провалил, потому что совершенно не знал, что нужно делать и куда идти, но Анне это понравилось. Никогда не знаешь, что женщине понравится, а к чему она останется совершенно равнодушна, правда?

Оболтус был неумел, но приятен. Симпатичный парень с хорошими манерами, он много читал, предпочитая рекомендованной классике западные детективы, фантастику и всё, что можно было достать из запрещённого. Но безудержнее всего Оболтус зачитывался гангстерскими детективами, благо, их он мог читать в оригинальном, американском издании. Многих трудов стоило достать очередную книжку, но Оболтуса это не останавливало. С трепетом водя озадаченную барышню по осеннему парку, Оболтус мало-помалу справился с волнением и принялся рассказывать Анне о нравах и обычаях Америки времён сухого закона. Анна мёрзла, злилась, но не могла удержаться от смеха, когда Оболтус принимался изображать что-то в лицах или говорить басом. Оболтус был счастлив. Он заговорил Анну до потери ориентации в пространстве и заморозил до легкой простуды, но, поднимаясь в лифте, Анна пожалела, что не успела спросить Оболтуса о его родителях — Анне захотелось отношений чуть более серьёзных, чем прогулки по мокрому парку, а заводить серьёзные отношения неизвестно с кем было не в её правилах.

Родословная кавалера настолько заинтересовала Анну, что Оболтусу не долго пришлось ждать следующего свидания, которое Анна провела уже по своей программе, не

давая Оболтусу проявлять излишнюю инициативу. Впрочем, свидание было коротким: всё, что интересовало Анну, она выяснила в первые пятнадцать минут, а потом у неё заболела голова, потому что свежая информация требовала осмысления. Анна была умной девушкой, в чём-то даже умнее своих родителей, которые, несмотря на свой высокий статус, имели довольно либеральные взгляды и не строили каких-то особых планов относительно будущего замужества дочери. Анна была девушкой практичной и трезвой: она не ждала принца, понимая, что принцы слеплены из того же теста, что и простые смертные, а значит, верно и обратное утверждение. Оболтус, по мнению Анны, был весьма неплохой заготовкой для будущего принца, который однажды увезёт её в дальние страны, предоставит апартаменты в какой-нибудь европейской, а может быть, и заокеанской столице и введёт в высший свет. К тому же он прекрасно оттеняет её достоинства, хорошенький и неглупый. Неизвестно, почему Анна решила идти таким извилистым путём — возможно, это всё же была любовь. Говорят, у неё много лиц.

Владимир Андреевич прервался, чтобы пригубить коньяк и прикурить следующую сигарету. Я тоже забросил в рот дольку лимона и отпил из рюмки. «Советник» оказался интересным рассказчиком. Когда он говорил, лицо его становилось моложе, в глазах появлялись крохотные блестящие чёртики, а слова непостижимым образом складывались в картинки.

Выдохнув дым, он блеснул чёртиками и чуть заметно кивнул головой:

— Продолжать?

Я кивнул в ответ.

— Так или иначе, скоро Оболтус был допущен к руке, а ещё через некоторое время представлен родителям. Родители были вполне довольны. Возможно, что первая должность Оболтуса была утверждена тем же вечером, в спальне.

Собственно, Оболтус был допущен не только к руке, но и к другим частям тела, не имеющим особой стратегической важности. Я, Саша, не ханжа, но в те времена ухаживать за девушкой было интереснее. Мораль — тоскливейшая вещь, но, порой, она делает жизнь ярче, чувствовать позволяет острее...

Ещё через некоторое время Анна была представлена матери Оболтуса. Генеральша, так её назовём, устроила из семейного ужина на три персоны настоящий дипломатический приём. Оболтусу оставалось только удивляться скрытым талантам матери и тому, как быстро и запросто сошлась она с Анной, а там и с её родителями. «Какая девочка, Оболтус! Какая семья! — воздевая руки, говорила Генеральша. — Я тебя вот этими самыми руками задушу, если ты ей какую-нибудь гадость сделаешь!» Впрочем, делать гадости Оболтус не собирался. Он был влюблён.

Родители Анны отсутствовали дома часто и подолгу. Если не брать в расчёт приходящую прислугу, квартира оставалась в полном Аннином распоряжении. Впрочем, Анна, будучи девушкой осмотрительной, особенно этим не злоупотребляла. Бывали, конечно, какието вечеринки, просмотры фильмов пронизанных «чуждой идеологией», девичники и небольшие, для избранных, сборища по поводу сдачи очередной сессии, но всё — в рамках приличий. Во время таких вечеринок Оболтус чувствовал себя тем самым принцем или набобом — ему принадлежало самое ценное, что было в доме. Не считая видеомагнитофона. Серебристый ящик, неслыханная роскошь для середины семидесятых, притягивал Оболтуса как магнит. Боевики или ужасы оставляли его почти равнодушным, добротные американские мелодрамы напоминали лишь о том, что всё это он уже читал. Но фильмы, окунавшие его в любимые гангстерские детективы, но Америка времён сухого закона!

В тот год вышел в прокат «Крёстный отец». Не у нас, конечно, но у Анны он появился довольно быстро. Вечером Анне вдруг стало страшно ночевать одной, и она воззвала к рыцарским чувствам Оболтуса. Оболтус и не думал отказываться, но приглашение, на всякий

случай, было подкреплено сообщением о новом, очень длинном фильме. Разумеется, они его не досмотрели, но назавтра в Оболтусовой голове творилось что-то странное: воспоминания о прошедшей ночи нагло вытеснялись жгучим желанием досмотреть «Крёстного отца». Анна была не против. За две недели, пока родители были в отъезде, Оболтус с Анной просмотрели фильм раз пять. Борясь с собой и выказывая необыкновенную, подкреплённую чувством вины, нежность, Оболтус делил просмотры на части, а потом, добираясь домой, склеивал части в полотно и размышлял. О чём размышлял Оболтус, к каким выводам приходил — неизвестно, но, на самом деле, привлекала его не сомнительная бандитская романтика, а нечто другое. Оболтусу хотелось в то время. Хотелось джаза, усики и шляпу. Шляпу хотелось особенно. «Ты не знаешь, где можно достать?» — спрашивал Оболтус у Анны. «Не знаю, кому нужен такой хлам! — отвечала та. — Ты, может, ещё и ходить в ней собрался? Только не со мной!».

Шляпы в те годы носили, но исключительно одного фасона — «трилби». По сути — то же самое, но с совсем узкими полями. Оболтус, конечно, понятия не имел ни о каких фасонах, но что именно он хочет, представлял хорошо и занимался поисками. А вот нашёл он нечто совсем другое.

Нежданно-негаданно Оболтус встретил девушку. Где то у трёх вокзалов она выронила авоську, а Оболтусу во что бы то ни стало нужно было оказать помощь — собрать раскатившуюся картошку. Они стукнулись лбами, встретились взглядами и ничего особенного при этом не произошло, если не считать того, что Оболтусу захотелось проводить симпатичную студентку одного из московских институтов до её общежития, а потом ещё немного посидеть с ней на скамейке. И только когда они распрощались, Оболтус осознал что произошло нечто очень важное. Спросили бы тогда у Оболтуса что он в ней нашёл — он бы не придумал вразумительного ответа, хотя, на самом деле, всё было просто. Что мы находим в своих женщинах, Саша? Не знаешь? Мы находим себя. И ничего больше. Жизнь — штука примитивная, нет в ней никаких сложных механизмов.

Оболтус нашёл себя и своё место. Он, конечно, не задумывался о таких сложных вещах, просто ему было хорошо и свободно. Настин мир оказался лишён многих условностей Анниного мира. Здесь Оболтуса принимали таким, какой он есть, не пытаясь что-то в нём изменить, здесь говорили то, что думали, покупали продукты на рынках, готовили на общей кухне, жили вскладчину и сушили бельё на верёвочках натянутых за окном. Здесь без размаха, но искренне веселились и горевали. Настин мир притягивал и волновал Оболтуса не меньше, чем сама Настя. Анна была хрустальным кубком, наградой, которую нужно завоёвывать и удерживать. Настя была тёплой и мягкой. С Настей они могли просто гулять по улицам или сидеть на скамейке и болтать, с Анной нужно было постоянно бежать впереди паровоза и предлагать новые развлечения, иначе вечер превращался в муку. Настя была благодарна, а Анна будто ставила оценку в какой-то неведомой зачётке. Оболтус растерялся.

Владимир Андреевич прикурил следующую сигарету, затянулся, и продолжил:

— Оболтус растерялся, но теряться надолго было не в его характере. С Анной он ходил в один кинотеатр, с Настей — в другой. С Анной — в ресторан, с Настей — на рынок и на ВДНХ. На рынке ему нравилось больше: Настя надевала косынку и весело торговалась, Оболтус так не умел.

Однажды в густой толпе Оболтус увидел шляпу, которую ему хотелось.

- Смотри! толкнул он Настю. Я хочу такую шляпу!
- Пойдём, отнимем? смеясь, предложила та, и быстро собрала волосы в пучок.

У Насти была забавная привычка: мгновенно закалывать волосы, когда предстояла, например, стычка с вредной вахтёршей или пробежка за отъезжающим автобусом, когда ей

нужно было сосредоточиться или серьёзно о чём-то поговорить. Даже в кино, во время особенно драматичных эпизодов, под рукой у неё всегда оказывалась заколка или резинка.

- А тебе пойдёт, сказала она, задумчиво разглядывая воображаемую шляпу на Оболтусовой голове.
 - Я достану такую же!
 - Тогда я тоже как-нибудь наряжусь, и мы пойдём гулять!

По городу, сломя голову, неслась весна. Вместе с ней летел и Оболтус. Ему снова, как никогда, хотелось джаза и шляпу. Но шляпу — гораздо сильнее. До московской олимпиады и фестиваля молодёжи было ещё далеко, слово «фарцовщик» ещё не появилось в русском языке, но, приложив старания и использовав кое какие знакомства (Как права была Генеральша!), одним апрельским утром Оболтус всё же стал обладателем чёрной «Федоры». «Выбрось сейчас же!» — сказала Анна. «Ух ты! — выдохнула Настя. — Минут двадцать подожди, ага?»

Через сорок минут Настя осторожно вышла в узкой юбке, длинных белых перчатках и на каблуках.

- Если сломаю убьют! Держи меня крепко! сказала она, заглядывая в глаза Оболтусу. А куда мы пойдём? Я голодная.
 - Куда-нибудь, где тебя накормят.
 - А тебя?
 - И меня.
 - А знаешь... Мне нужно, чтобы ты напился пьяным...
 - Ты что это задумала? Я и так на всё согласен!
- Не-ет. Понимаешь, мужчину нужно увидеть пьяным, чтобы узнать какой он на самом деле. Вдруг ты дерёшься?
 - Я не дерусь. Я мирный и всех люблю.
 - Правда?
 - Обещаю тебе это продемонстрировать! Но и ты тоже. Вдруг ты дерёшься!
 - Я засну и всё. И ничего ты не увидишь...

Он уже знал, куда они пойдут, прогулявшись по улицам — в ресторанчик с бильярдом. Оболтус не был там целую вечность, с тех пор как познакомился с Анной. Забыл он только об одном: сегодня уезжали Аннины родители, и он был приглашён на скромный семейный ужин.

Был поздний вечер, когда Оболтус, изрядно уже продемонстрировавший своё миролюбие, пытался попасть по шару играя в «Американку» с таким же миролюбивым типом. Настя, сняв туфли, бегала вокруг стола и бурно радовалась каждому удачному удару. Оболтус играл, не снимая шляпы, и время от времени удовлетворённо поглядывал на своё отражение в мутном зеркале. Шляпа что-то меняла в мире вокруг Оболтуса, что-то меняла в нём самом. Снимать её не хотелось.

Он готов был отправить в лузу решающий шар, когда, звякнув дверными стёклами, в комнату вошла Анна.

— Так! — сказала <u>Анна.</u>

Шар закрутился и ушёл в борт. Настя быстро собрала волосы. Оболтус бросил кий, аккуратно взял свой коньяк, оставленный на бортике и широко улыбнулся.

- Шикарно выглядишь, Аня! Платье какое... И перча-атки... он сделал несколько неуверенных шагов в сторону и сел в облезлое кресло. Мы куда-то идём?
- Мы идём. Мы! Идём! Анна быстро подошла к Оболтусу и, сдёрнув перчатку, звонко ударила его по щеке, так что упала шляпа. Вставай! А ну не трогай его! подскочила к креслу Настя. Ты кто такая вообще?!

Оболтус наклонился за шляпой, поднял её и двумя руками, расплёскивая коньяк, надел на голову.

- Милые дамы...
- Заткнись и вставай!
- Нет, ты кто такая вообще?!
- Я? Я невеста этого придурка в шляпе, мило улыбнулась Анна. А ты Настя, да?
 - А это не твоё дело!
- Это, Настенька, Анна указала на пригорюнившегося Оболтуса, моё дело! Вставай, Оболтус!
 - Никуда он с тобой не пойдёт!
- Ты мне помешаешь? Да тебя завтра же в Москве не будет, не повышая голоса ответила Анна.
 - Он тебе так нужен, да?
 - Ну, тебе же нужен.
- Да он... Да ты подмётки его не стоишь! Да вы все мизинца его не стоите! крикнула Настя, повернувшись к немногочисленной публике, с интересом разглядывающей всю троицу...

Что было дальше Оболтус не запомнил. Очевидцы рассказывали, что девушки поведали друг другу много интересных фактов из естественной истории и семейных приданий, затем, исчерпав аргументы, принялись таскать друг друга за волосы, но на этом месте публика, тонко почувствовав грань между высокой драмой и пошлым фарсом, разделила противоборствующие стороны. Проснулся Оболтус в Анниной квартире.

Открыв глаза он долго прислушивался к мерному тиканью огромных напольных часов, силясь понять действительно ли они стучат в его, Оболтуса, голове, или ему это только кажется. Потом Оболтус встал, нашёл на стуле, возле дивана свои, аккуратно сложенные вещи, быстро оделся и вышел из комнаты. В квартире было пусто и тихо. Он умылся и осторожно заглянул в Аннину комнату.

- Доброе утро! сказала Анна не отрываясь от зеркала. Она сидела за туалетным столиком и водила пуховкой по лицу.
 - Доброе утро, смущённо ответил Оболтус. Аня, а где моя...
 - Что? Анна, сжав губы, пристально посмотрела на Оболтуса.
 - Моя... эта... Заколка для галстука.

Она взяла со столика и протянула ему зажим.

- Спасибо... Я пойду?...
- Да, тебе пора. Твоя мама звонила. Волновалась. Я сказала, что ты у меня и что вечером мы придём вместе и всё объясним.
 - Э... <u>Да?</u>
- Ну конечно. Сколько можно прятаться? Мои родители уже всё знают и они нас... благословили. Жаль, что вчера ты не смог прийти.
 - Я... Да. Извини...
 - Ну иди, иди уже. Я жду тебя вечером...

Владимир Андреевич допил коньяк и погасил сигарету.

— А шляпу Оболтус так и не нашёл. Должно быть, она где-то здесь и осталась...

Казалось, что сквозь колышущийся дымок я вижу бильярдный стол и облезлое кресло. Я немного помолчал, но было похоже, что «советник» не собирается продолжать.

- И что дальше?
- Bcë.
- А что Оболтус?
- Оболтус? Оболтус в порядке. Он стал дипломатом, зятем дипломата, мужем жены дипломата, отцом детей дипломата. Живёт в другой столице... У него всё нормально.
 - А Настя?
- Настя, он задумчиво покрутил в руках пачку сигарет. Настя, на тот момент, действительно, из Москвы исчезла...

Спохватившись, он быстро посмотрел на часы и стал убирать в карманы сигареты и зажигалку.

- И инженером не стала. Но и у неё всё наладилось... Извини, мне пора нехорошо опаздывать. Ты прекрасный собеседник, Александр Сергеевич, спасибо!
 - Я же и двух слов не сказал!
 - Вот именно. Ну, удачи тебе!
 - Спасибо! И Вам...

Владимир Андреевич подхватил пальто, сделал два шага, но вдруг вернулся и, наклонившись ко мне, с улыбкой сказал:

— Береги шляпу, Саша! Остальное приложится.

Я ничего не успел ответить, а он уже открывал дверь ресторана.

На улице совсем стемнело. Коньяк я как-то незаметно выпил, кофе остыл, да его уже и не хотелось. Я расплатился и вышел — искать ближайшую станцию метро.

Всю ночь рядом со мной хлопала тамбурная дверь, принося холодную смесь из запахов сигаретного дыма и отхожего места. Я пытался поудобнее устроиться на короткой полке и ни о чем особенном не думал: ни о Кате, ни о «советнике», который, как мне показалось, и был тем самым Оболтусом, ни о «человеке» на встречу с которым он боялся опоздать. Не особенно хорошо думалось и днём, когда за окном медленно полз серый осенний пейзаж. Единственная связная мысль была лишь о том, что Москва, всё-таки, не самый плохой город и, если мне ещё доведётся там побывать, то я обязательно зайду в этот бар. Просто так...

Через десяток лет даже имя её вспомнить оказалось непросто. «Катя» всплыло сразу же, но тут же появились и сомнения: ту ли девушку звали Катей, с той ли Катей я ездил к пирамидам и плескался в Красном море, и та ли Катя в одно мгновение стала совсем другой, чужой и незнакомой? Катя забылась, забылись названия станции метро и улицы, на которой я встретил «советника», а визитка потерялась сразу же — должно быть, я вытряхнул её вместе с деньгами, когда расплачивался с официантом.

Над Кремлём бегут низкие облака, ветер метёт по площади редкие листья. Скоро мой поезд, а я так и не нашёл тот ресторанчик. Зато купил новую шляпу. У старой тулья уже совсем вытерлась и поля обвисли. Дошло до того, что мне, попросту, запрещают её надевать.

Елена Джеро

Oblivion

Альцгеймер прислал мессадж из будущего: "Привет!".

Отвечать не хотелось. Хотелось немедленно вспомнить, как будет на иврите "сковородка". Я держала ее в руках и дырявила Мартина невидящим взором, в котором не читалось ничего хорошего. Мартин тоже застыл и уставился на меня в ожидании звуков, которые я уже должна была бы издать.

- Что это? спросила я его грозно и протянула сковородку.
- Ничего не вижу, радостно сообщил мне любимый, посмотрев на чистую поверхность, и добавил на всякий случай: Я не трогал.
 - Как называется ... эта штука? я пыталась не распаляться, честно.
- Una padella, Мартин решил, что я хочу перевод на итальянский и поэтому не усомнился в моей адекватности.
 - А на иврите?

Теперь уже усомнился.

— Махват. — Чмокнул в нос и убежал от греха подальше на работу.

Через минуту пришел смс "english: a pan".

Индикатор счастливых отношений — телепатия. Если же с ее помощью вам возвращают улыбку на место, то уже ничего не страшно! Ну, если только Альцгеймер. Я повесила сковородку на место, по привычке повторив три раза: "Махват, махват, махват", и вышла на балкон.

Мы живем в Риме, но говорим между собой преимущественно на иврите, с вкраплениями итальянского языка. А так же английского, русского и польского. Неожиданно осознала, какой я суперполиглот! Была. Пока родной, можно сказать, иврит не начал играть со мной в прятки. И, как это ни грустно констатировать, не он один.

Сначала пропали одноклассники. Это случилось лет примерно десять назад, но пропадать им все равно было еще рано. Мы с моим лучшим другом Алексом распивали пиво на клумбе в Тель-Авиве, когда я заметила, что большая часть соучеников из всех школ, где я успела поучиться, неожиданно исчезла из памяти. Алекс, глядя на мои страдания и изменения в лице, решил успокоить жертву амнезии, подведя научную базу под случившийся кошмар:

— Это оттого, что в твоей жизни слишком много народа! — сказал он, ни на что не намекая. — Твоя память просто стирает неактивные аккаунты!

Дальше следовали ориентировочные подсчеты, из которых выходило, что за период жизни в Израиле плотность заселения моего мозга единицами общения превышает таковую за всю предыдущую сознательную жизнь. Включая детский сад, художку, музыкалку, танцы, бассейн, спортивные секции, кружки, олимпиады, курсы, университет и приключения во время университета. Лучше б я их забыла! Хотя бы выборочно.

Оценив по достоинству рациональное зерно Сашкиной теории, я успокоилась еще на пару лет. Пока не исчез диплом. Это был уже удар ниже пояса. Как невзошедшему светилу генетики, мне было приятно иногда эпатировать аудиторию нетривиальными сочетаниями типа "стабильные хромосомные аберрации" или "спонтанный мутагенез", как вдруг смысл произносимого неожиданно сделался туманным для самого оратора! В тщетных потугах

пыталась я вспомнить хоть что-нибудь хоть из какого-нибудь университетского курса! Но фиг — ни одного даже завалящего беспозвоночного, никакой даже самой простой формулы, только почти неразличимые лица преподавателей. Без имен, естественно.

Алекса рядом не было. Поэтому я самостоятельно переделала его теорию общения в информационную. Заменила количество контактов, на объем информации, гений, а не девушка! Получилось, что, поскольку совокупность поступающих новых материалов типа языков, традиций и прочих обширных знаний сильно превалирует над старой базой данных, хитрая память и стирает неиспользуемую информацию. Что заодно доказывает ошибочность теории о том, что люди используют мозги на тридцать процентов всего. Я свои, видимо, на сто.

И вот теперь — здрасьте, пожалуйста, иврит! То есть, имелось ввиду — до свидания. Походив туда-сюда по балкону, раздумывая о коварности собственной памяти, я позвонила брату. Тем, у кого в близких родственниках имеется Доктор Айболит, жить гораздо проще. А если он еще и брат — считайте, у вас в руках счастливый лотерейный билет. С многократным обналичиванием. Вот представьте себе, если у вас Эскулап мама или папа. Вы тогда все вопросительные тексты начинаете так: "У одной моей подружки, ты ее не знаешь... ". Брату же вы в истерике орете: "Напилась, как свинья! С кем — не помню! На что сдавать кровь? Я умру? Как не от СПИДа?".

Многие мои подруги втайне мечтали получить законный доступ к сердцу и телефону брата, но ранняя женитьба спасла его от их корыстных посягательств. Теперь за право позвонить ему среди ночи борются знакомые жены.

- Приветдорогойкакдела, У МЕНЯ АЛЬЦГЕЙМЕР! доверилась я трубке с места в карьер. Врачам и адвокатам только правду.
 - Как ты пришла к такому выводу? спокойно спросил мой личный доктор Хаус.

Я честно рассказала краткое содержание саги "Обливион", местами в лицах.

— Пить меньше надо, — вынес заключение Айболит. — Но если хочешь, приезжай, проверим другие версии.

Другие версии я решила пока не рассматривать, но не потому, что эта мне понравилась. Просто ехать в Россию не входит в мои планы на ближайшее будущее.

- Не улавливаю ход твоих мыслей! Я не алкоголик! стала защищаться я от беспочвенных инсинуаций. Где-то я уже это слышала... Наверное, в кино про AA.
- Мы все не алкоголики, но это не меняет факта, что пьем мы регулярно, даже если без удовольствия.
 - Кто это пьет без удовольствия?
 - Я. Мне по должности положено.
- А мне по месту прописки! Я, между прочим, в Италии живу! Тут все, кому больше десяти лет, выпивают стакан вина за обедом. И еще один за ужином. И я как все, в пределах нормы. Ну, почти. И потом, это же вино! Сухое. Полезное для сердца. Я же не пью водку и другие вротневломишьникогда крепкие напитки!
 - Градус влияет только на печень, сестренка.
 - Значит, печень в порядке? Слава Богу!!! А что же тогда?
 - Например, сосуды.
 - Вооот! Сосуды! Я так и знала! А таблеток никаких нет?

Оказывается, есть. Но с секретом — надо на время приема волшебных лекарств впасть в абстиненцию. Добровольно. Абсолютно. Не пить совсем.

Мы долго выбирали подходящую дату, чтоб никаких стрессов, свадеб, дней рождений,

бар-мицв и прочих алкогольных катаклизмов.

Мы договорились сделать это вместе, чтоб было легче воевать с соблазном.

Мы придумали систему экстренных вызовов друг друга, если что. Попрощались до следующей встречи нашего Камерного Клуба Неанонимных Алкоголиков и повесили трубки.

Озадаченный взгляд упал на сковородку.

— Махват, -— услужливо подсказала память. La mia padella preferita! My old good frying pan! If you want we can name every single thing at home and outside! Con cosa vuoi cominciare? Лехаим!*

Кажется, я выздоровела! Я же говорила, что мой брат — гениальный доктор!

*Моя любимая сковородка!(ит.)Моя старая славная сковородка! Если хочешь, мы можем назвать каждую вещь в доме и на улице! (англ.) С чего желаешь начать? (ит.) За жизнь! (Тост на иврите).

Мамуля собралась к нам в гости. Знакомиться с Мартином и наслаждаться Италией. За Италию я не волнуюсь.

— Как ты думаешь, уместно ли с моей стороны обращаться к ней "мама"? — поинтересовался Мартин уже в зале прилетов Фьюмичино. Его знакомство с русскими матерями ограничивалось советскими фильмами.

Услужливая память тут же подкинула черно-белую короткометражку. "Мама и рыцари моей юности". Я, как девушка из хорошей семьи, всех соискателей на роль Принца вместо того, чтоб обжиматься с ними по подъездам, таскала исключительно домой. Там они попадали в мамины сети.

Стоило оставить ее наедине с кавалером только на минуточку, как при возвращении обнаруживалось, что они обсуждают Ницше. Компетентно.

— У этого хотя бы есть мозги, — доверительно сообщала мне маман, когда кавалер удалялся, — но кожа...

С этого момента мое внимание было сконцентрировано на его гормональных прелестях, которые раньше не замечались. Как ни странно.

Если же Ромео не мог поддержать веселый треп про Канта, ранних импрессионистов или серебряный век русской литературы, то у зачатка отроческих чувств не было никаких шансов.

- Hy...? проводив ухажера, заглядывала я в родительскую спальню, где маман уединялась с книжкой и шоколадкой.
- Даже не знаю, что сказать... невинно глядя поверх очков, сокрушалась она, определив судьбу воздыхателя.

Могла бы как-нибудь по-другому "не говорить".

Из всех ювенильных конкурсантов маман симпатизировала одному. За самоотверженность. Проявленную, когда я решила его постричь, как в журнале — лесенкой. Увидев результат, мы все втроем осознали, что парикмахерское дело — не моя дорога жизни. Модель прореагировала на шок достойно и отказалась от предложенных мамой денег на цирюльника.

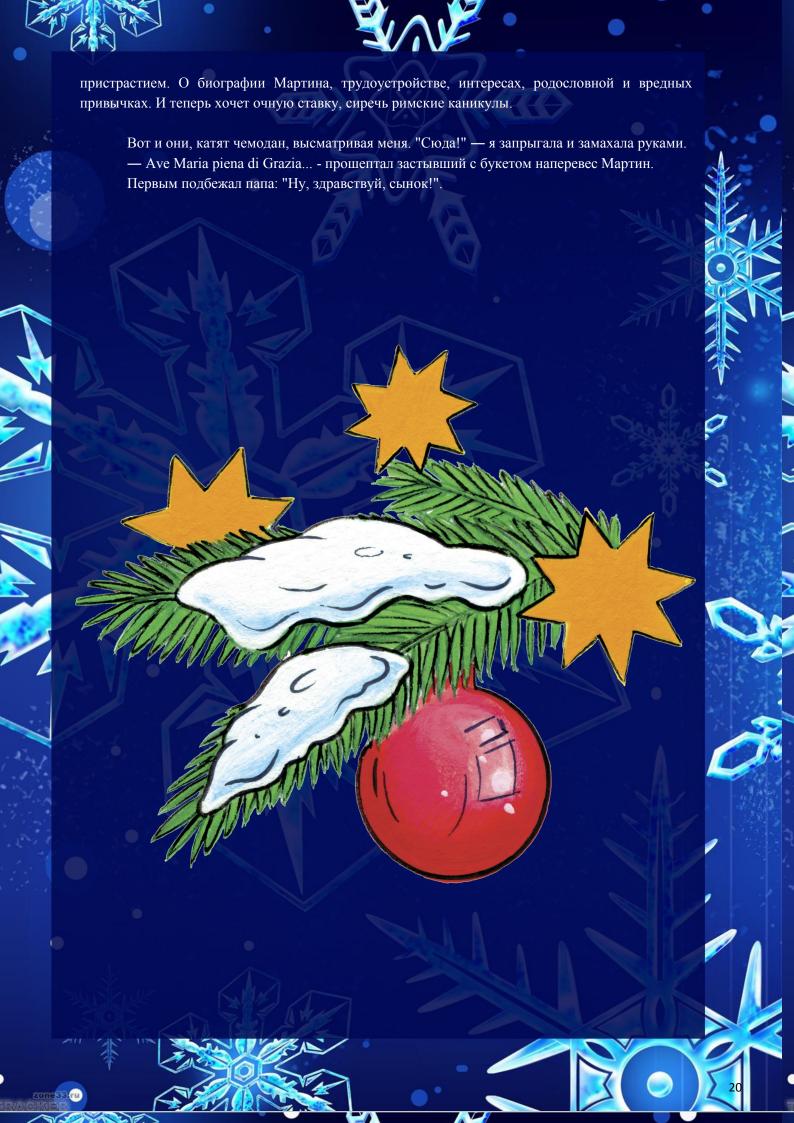
Ни до, ни после мои поклонники не удостаивались такого маминого взгляда: смесь уважения, умиления и грусти. Грусть, скорее всего, была адресована мне — за то, что росла.

Потом мама сменила тактику — она больше не озвучивала своих мыслей о моих кавалерах. Даже когда я, запутавшись в нездоровых отношениях, умышленно пыталась привлечь ее к обсуждению. Памятуя о пагубности влияния ее мнения на судьбу соискателей.

— Мне надо его оставить! — заявляла я, высматривая в ее глазах намек на одобрение. — Он мне не подходит! Он абсолютно меня не понимает! Он даже не знает, кто такой Кафка! — приводила я последний аргумент. Все тщетно. Только моральная поддержка и никакой подсказки в важных решениях!

А потом я поселилась за границей, и маме стало выдаваться сокращенное описание моих романов. Выборочно. Чтобы не запуталась в иностранных именах. Приезжая в гости, маман делала все, чтоб с ними не встречаться. Наверное, боялась, что тогда они станут реальностью. Когда же, наконец, мамуля решила рассмотреть Израиль как вероятную страну проживания и выучила фамилию текущего бойфренда, появился Мартин. Объявил бойфренда недействительным и увез меня в Италию, лишив маму кошерного будущего.

Мама решила, что достаточно поиграла в молчанку и начала задавать вопросы. С

Незавершенный гештальт

Смс гласил: "К тебе можно хочешь есть"...

Сонькин стиль трудно спутать с другими. Ответила: "Да и да".

Через полчаса приехал посыльный из "Сакуры" с пакетами японских яств, а еще через десять минут появилась Соня со слезами на глазах и двумя бутылками Пельтера.

- С чего начать даже не знаю вздохнула подруга и начала с сашими.
- Ты помнишь Игоря?

Помню ли я Игоря? Разве его можно забыть?

Игорек был единственным русским в Сонькином "послужном списке" и оставил за собой неизгладимый след в сердце красавицы. Я бы сказала даже — шрам. Они вместе работали в частном сыске. Сонька — внештатной переводчицей, а он — начальником ищеек. Пересекались с завидной регулярностью в коридорах конторы, и никакие искры интереса между ними не зажигались. Пока они не оказались в одной машине темной ночью. Случайно. Слушали "жучки", расставленные в квартире русскоязычных нарушителей закона. Переводить там надо было сначала с мата на русский, а уж потом — с русского на иврит. Соня помогала с матом. У них в ИнЯзе, оказывается, был специальный курс.

Неизвестно, что Шерлока поразило больше — Сонин словарный запас или неземная красота, но он решил заняться ее процветанием и персональным счастьем. В целях укрепления благополучия он записал подопечную в список ночных "полевых" работ вперед на два месяца, исключительно чтоб повысить оклад. А для раификации девушки было задумано романтическое знакомство с Гошиным лучшим другом. Через две недели. А через неделю Гоша понял, что влюблен окончательно и бесповоротно, как мальчишка, как кот, как дурак.

Зато не безнадежно — Соня, выслушав пылкое признание в высоких чувствах, согласилась на романтические встречи. Редкие. Украдкой. Потому что у Игоря имелась жена плюс один. А у Сони — жених. Хоть и в стадии регулярных размолвок с перспективой расставания навсегда. А Соне хотелось наоборот, чтоб мир и свадьба, и побыстрее. Потому что на тот момент наша подруга была молода и наивна, и этим нисколько не отличалась от остальных пары миллионов русскоязычных красоток. И не русскоязычных тоже.

Игорь клялся, что разведется, и они будут жить долго и счастливо и даже родят еще детей. Соне верить во "вместе навек" очень хотелось. Но на тему мужских обещаний она была хорошо подкована современным кинематографом и глянцевыми журналами. Жених, которому в других обстоятельствах уже была бы дана отставка, держался на коротком поводке, чтоб Гоша не расслаблялся.

К сожалению, Шерлок не смог разгадать запутанные мотивы метаний непростой девичьей души и шаги делал исключительно неправильные: ревновал, напивался, бросил курить и даже похудел на пять кэгэ. В какой-то момент его законная супруга заметила, что уровень стресса в доме немного поднялся и, применив к мужу несложные методы испанской инквизиции, вызнала причину неполадок. И тут же объявила молодой и наивной Соне беспощадную войну. Требуя немедленного увольнения из общих с Гошей мест работы и обещая страшные муки в ближайшем будущем.

Соня отложила переживания по поводу разбитого сердца на потом и собрала военный совет. Пришли мы и привели Машку с мужем-адвокатом, чтоб иметь представление о реальных возможностях противника. Оказалось — стратегическая позиция наших сил гораздо круче, и Сонька вполне может поправить свое материальное положение, учитывая их с Гошей разницу в должностях. В Израиле как раз на эту тему есть подходящий закон, по которому можно отправиться составлять компанию бывшему президенту и экс-министру юстиции в места не столь отдаленные. Машкино семейство предложило свои услуги на поле боя, так сказать.

Но Соня воевать не собиралась. Она считала агрессию сугубо мужской прерогативой. Поэтому, вернув низкопадшему Ромео трофейное кольцо, она сдержанно попросила не вынуждать ее делать то, что ей делать не нравится. А то всем остальным не понравится тоже. И приложила визитку адвокатской конторы "Машка и муж".

И все. Точка. Занавес. Больше никто из нас на протяжении многих нескольких лет ничего про Игорька не слышал. Или это я так думала.

- Я его нашла, вытирая нос, призналась Сонька. Не спрашивай, зачем!
- Я разлила вино по бокалам.
- Можно спросить тогда почему?
- Потому что то, что было между нами особенное! Он меня понимал как никто! И вообще он лучше всех!

У некоторых память — как немое кино — только картинка. Текст они накладывают потом, в зависимости от того, какой жанр желают смотреть. Сейчас, например, смотрим мелодраму, которая с предыдущей озвучкой была психологическим триллером про маньяков.

- Угу. Ты его нашла, и ...?
- И опять потеряла! На этот раз навсегда!

Слава Богу! Этого я не сказала вслух, конечно.

— Я его на фейсбуке увидела, в друзьях у одного знакомого, ну и послала приглашение. Я же ничего такого не собиралась! Я просто хотела, чтоб он посмотрел, какая я стала, вот и все!

И он посмотрел. И задал сто вопросов про жизнь. И сказал, что — подумать только! — только что развелся, почти, а тут — она. Это же судьба, ежу понятно! И вообще он всю жизнь любил только ее, Онегин, блин.

А что же Татьяна? Вместо того, чтоб как написано в сценарии, объяснить товарищу Онегину, куда ему теперь идти, вместе со своей почти-экс-супругой, Танюша решила разводиться. То есть, Соня! Со своим мужем и двумя детьми!

Кто думает, что женщины умнеют с возрастом, приходи, познакомлю с подругами.

- Ты же знаешь мою ситуацию, крутила палочки в руках Соня, забыв про суши, мы с Дороном живем, как брат с сестрой, уже давно.
 - Ты хочешь развестись с мужем или жить с Гошей?
 - Не хочу я! То есть хочу, да что теперь говорить! Он же пропал!

Тут выяснилось, что сиквел злополучного романа был тотально виртуальным. Во время их, скажем так, воссоединения Игорь был в заграничной командировке. Первые три дня он писал и звонил каждые пять минут, потом каждые десять, потом — три раза в день. Соня не замечала регрессии и готовилась к встрече, выказывая все признаки помутнения рассудка в виде желания развестись. Потом, по идее, Онегин должен был вернуться в Тель-Авив и упасть в объятия любимой, но... "Пропааал" — Сонька опять принялась разводить слезами соевый соус.

Первый этап спасения подруг от мук разбитого сердца — это топление горя в вине. Мы обсудили еще раз ситуацию, с начала. Мы вспомнили имеющие отношения к Гоше несчастья давно минувших дней, в красках. И остальные несчастья, не имеющие отношения. Чокаясь за наше счастье врагам назло.

Немного успокоившись, Сонька продемонстрировала готовность ко второму этапу, аналитическому: "И что ты обо всем этом думаешь?"

- Думаю, что у тебя Гештальт. Незавершенный.— блеснула я глубокими познаниями в психологии. И пояснила: Это когда события случились не так, как у тебя было по плану. И все это замешано на сильных эмоциях. И ты тогда, в прошлом ничего с этим не сделала, вот и подвис аффективный должок. Гошке, жене его и себе.
 - А мне-то за что? напряглась подруга.
- Ты втайне думаешь, что это твоя вина. Что веди ты себя по-другому, и счастье было бы возможно.
 - А Игорю?
- Ну, ты же прореагировала объективно слабо относительно размеров полученной травмы. Ты не пошла в суд, не стала затевать публичные разборки, ты даже не сказала ему, что ты о нем думаешь после всего того, что...
 - А жене-то я что могла сделать?
- Ответить. Что это не ты ей перед алтарем в верности клялась, так что ее претензии не по адресу. Или что "сама такая"! Софи, это же твоя история, тебе лучше знать, какие фразы в те дни крутились у тебя в голове и остались невысказанными!
- Точно. Крутились. Я все думала сейчас позвонит, и я ей скажу... Но потом, конечно, не отвечала. А зря! Ну и что теперь?

Вот он, третий этап спасения утопающих: План действий.

- Говорят, надо завершить гештальт, сразу полегчает. Желательно без физических расправ, на всякий случай.
 - Умная ты, Ксюха! И откуда ты все это знаешь?
 - Догадайся. На собственных гештальтах училась. Незакрытых. Ну, за них!

И тут зазвонил телефон. Онегин сообщил, что он морально готов к встрече с любимой. Договорившись о месте пылкого свиданья, Сонька положила трубку.

- Поеду закрывать твоего немца, засобиралась она, а то завтра мы с Дорончиком весь день вместе.
 - Не разводишься уже?
 - Никогда! Спасибо тебе!

Мы обнялись, и Сонька умчалась навстречу будущим циклам контакта.

А я получила смс. "How are you my love?" — интересовался мой зеленоглазый, солнцеволосый, мучительно-неправильный, самый открытый на свете гештальт.

Михаил Блинов

Затяжные Дожди Белые пятна грядущей судъбы

Затяжные дожди — Многоточье короткого лета. Лишь деревья ничьи. Дней бегущих ручьи — По асфальту стремящихся в Лету.

Гладь свинцовых зеркал — Отраженье судьбы тяжким грузом. С примененьем лекал Хитроумный овал — Кто попал, тот проедется юзом.

Тусклый блеск фонарей — Вдоль дороги унылым балетом. Средь метанья ветвей Прятки мрачных теней — Редким фарам достойным ответом.

Заоконный мираж — В сумрак комнаты зябкостью ветра. Предосенний мандраж. Дни выходят в тираж, Впереди — вечеров километры.

А вода всё журчит — В ней усталой душе не омыться. Память бродит, не спит. Сердце глухо стучит — Не бежать, не мечтать. И не сбыться.

Белые пятна грядущей судьбы Залпом небесным по ржавчине прошлого. То, что цвело, сединой запорошено. Память застыла узором резьбы.

Рано, не вечер, вернётся всё вспять Мутным обманом, слезливостью хмарною. Ловко пленяя печалью незваною, Примется суетно, нудно роптать.

Но предречённому вестью небес Быть непреложно и должно исполненным. Дланью морозною бег остановленный, Бреду полночному явленный крест.

Чьих-то следов распечатанных строчка Вдруг завершится логической точкой.

Галина Гладкая

My#ckne urpu

Мчится поезд, стучат колёса..

В стакане позвякивает ложечка...

Мой маленький сын рисует на краешке стола. Мы с дочкой просто смотрим в окно. Четвёртый в купе — пожилой мужчина. Он одет как-то нелепо: светлые, явно летние, брюки и тёплый, тоже не по сезону, свитер. В вагоне душно, несмотря на нежаркую майскую погоду.

Мы едем в гости к бабушке, у неё юбилей как раз в День победы

Мой милый Матвейка рисует войну, танки, пистолеты, самолёты. Только людей у него рисовать не получается. Стирает ластиком и снова рисует.

Мужчина заглядывает в листочек, хмурится.

- Зачем вы учите мальчика такому? Оружие убивает. Не разбирая кого и за что.
- Я буду солдатом. И убью всех врагов! сын с вызовом смотрит на попутчика
- Откуда у тебя могут быть враги? Разве ты кому-нибудь сделал плохо? Обидел кого-то? мужчина явно волнуется, споря с маленьким мальчиком. Странно.
 - Я буду убивать преступников, не сдаётся Матвей.
 - А кто решает, преступник или невиновный?

Тут уже в разговор вклиниваюсь я.

— Зачем вы мальчику голову морочите? Все они в детстве в войну играют.

Мужчина замолкает надолго. Выходит в тамбур, стоит там у окна и курит.

А вернувшись начинает говорить, как бы сам с собой...

— Я тоже Серёже на дни рождения пистолеты и танки дарил. Не запрещал военные фильмы смотреть. Не отговорил поступать в военное училище... И вот... А ведь ему только двадцать четыре всего... было... — мужчина отвернулся, плечи его вздрагивали.

Больно было смотреть, как немолодой уже, почти дед, плакал, не вытирая слёз.

Павел Селуков

Я Зная Джима Моррисона

Я знал Джима Моррисона, говорил с ним, я верю, что мы разные. Но железные легионы нонконформизма шагают к бастионам моего разума.

И дрожат Добродетели, глядя выцветшими глазами из окон бойниц. И идут легионы, втаптывая ногами цветы угасающей жизни в тела покойниц.

И корчатся Мечты под сандалиями нового Ада. Черное солнце сжигает черты, превращая их в продукт распада.

Вчера я не верил, сегодня сердце в белом огне. И их черные очи, и сердца из камня не находят отклика во мне.

Я забыл бастионы и преклонил душу, и склонил колени, потянувшись ввысь. Я бросил меч, я достал беруши, и откуда-то сверху опустилась жизнь.

Я пел цветок, растущий из глазницы, и бабочку над пропастью желаний. Я пел любовь Светила и Возницы и голубиный крик моих свиданий.

Я пел звезду, живущую лишь танцем, И плющ, ползущий по кресту амбиций. Я пел скалу и взрыв протуберанца. И матадора, ставшего убийцей.

Я пел Закат и пляску светотени, и пальцы ветра на губах воды. Я пел Глаза и робкие колени, лаская первые весенние плоды.

Я пел Весну, дышащую мне в щеки, и ясный взор подснежника и снега, и как Зима остановилась в шоке, и с дрожью отпустила человека.

Нина Гаврикова

Сердуе матери

Загнанной в нору раненной лисицей металась по квартире Аполлинария Афанасьевна. В сердце будто гнойный свищ образовался, постоянно ныл, не давая покоя душе ни днём, ни ночью.

Июньское солнышко, раздвинув макушки деревьев, готовило место для ночлега. Огненные лучики, как растопыренные пальчики, врезались в пышную зелень деревьев. На деревне в это время радостно поют соловьи, и беспокойно считает года кукушка, а в городе слышен только гул машин.

Пожилая женщина несколько минут не отходила от окна, всматривалась в беспорядочное движение улицы, но напрасно — сын лежал в реанимации, а она таяла, как сахар в кипятке, от того что ничем не могла помочь Толику. Телефонный звонок ударом колокола разорвал безмолвие, старушка вздрогнула:

- **—** Алло.
- Тёта Поля, это я, Кира Неказистая, звоню из деревни, у вас рой вылетел, что делать? Мужики посадили его на яблоню. У вас домик подготовлен, чтобы опустить пчёлок?
- Да, милая Кирочка, узнала тебя. Нет, не успели подготовить. С Захаром приезжали в прошлый раз, только проверили, всё ли ладно в домиках. Рой обирайте себе, когда приедем в деревню, разберёмся, что делать, не закончив фразу, всхлипнула в микрофон телефона.
 - Тёта Поля, что случилось? почуяв неладное, спросила соседка.
- Горе, у нас большое горе. Анатолий лежит в больнице, вот уже двенадцатый денёк не приходит в себя, и понятно стало, что безутешная мать, как сено в валках, ворошит памятные денёчки. Он старший из братьев. Первенство сразу отдал Захару, который, как балалаечка, радостно бряцал по дому. Сам Толик, как тополёк стройный, сдержанный, никогда ни о чём не рассказывал, всё в себе держал. Тут на днях пришёл ко мне, интересовался, болит ли голова при высоком давлении? Я растерялась иногда бывает большое давление, а голова не чувствует. А бывает и маленькое давление, да в голове шум, как ветер в трубе завывает. Толя ничего не сказал, болела ли у него голова? Он только достал таблетки, запил водой, потом прилёг на диван, немного отдохнуть, попросив, чтобы к пяти вечера разбудила. Они с женой ремонт затеяли, работники должны были управиться к этому времени. Пока он дремал, я сидела, не шелохнувшись, в изголовье, рассматривала, как постарел мой малыш. Что говорить, пенсию просто так не дают. Внешне он похож на отца.

Только с годами у тополёчка появился крупный нарост — животик. Чернёное серебро волос рассыпалось по подушке. Лицо сделалось цвета заката перед дождём. Узкие губы сильно сжаты, может, от боли? На прямом носу будто сеточка нарисовалась. Он не разрешил закрыть дверь на балкон, тяжело дышал, пот извилистыми змейками сползал вниз. Жалко было будить, — тут она снова начала всхлипывать, но одолев себя, продолжила: — Толюшка ушёл домой, а вечером всё и случилось...

Шмыганье носами прервала Кира:

— Тёта Поля, я где-то читала, что о высоком уровне артериального давления может сигнализировать красный нос с прожилками кровеносных сосудов. И ещё периодически наблюдается покраснение лица, всё это указывает на частое и резкое повышение давления. В

этом случае велика вероятность гипертонического криза.

— Да, так и есть. Мы сначала думали, что у него сердце чечётку бьёт. А оказалось, что тропочку протаптывали вестники инсульта. Ладно, Кирушка, оберите себе рой, если сможем, то приедем, подготовим домик, я тебе потом перезвоню, не хотела тебя расстраивать, да не получилось. Всю неделю набирала твой номер, нажму кнопку вызова, да снова отключу. У тебя самой жизнь — не извёстка белая. А тут ещё я с проблемами. Давай, до свидания.

Хозяйка прошла на кухню, налила в чашку чай, села за стол и начала штопать заплатки на обрывки памяти. Как всё было хорошо ещё два года назад. Радость активным гейзером выбрасывала горячие струйки из глаз. Она — жительница деревни, как вдова ветерана Великой Отечественной войны, имела право воспользоваться деньгами, которые выделил президент России на приобретение квартиры.

Денег не хватило, поэтому пришлось добавить свои трудовые накопления. Купили однокомнатную квартиру в областном центре. Получилось так, что она стала жить ближе к Анатолию. Захар жил на другом конце города. Ремонт сыновья сделали быстро, и опять Толику больше досталось, он вёл переговоры с работниками, и рассчитывался сам. Ему и по должности положено было всё время заниматься переговорами. Если работаешь начальником, ты обязан быть дипломантом! Иначе любая работа в штопор сможет встать, не начавшись. Только сейчас Аполлинария Афанасьевна задумалась, как тяжело приходилось немногословному сыну находить компромисс в делах. Она сама была женой начальника.

Старушка смотрела сквозь чай на дно чашки, а перед глазами встала картина военного времени. В семье она была старшей, после неё ещё три брата, копеечку пришлось научиться зарабатывать рано. Мама Поли договорилась с портнихой, чтобы та взяла дочку обучать портняжному ремеслу. До посёлка пять километров. Весна в тот год выдалась затяжная, девочка торопилась на работу. Подтаявшая вода вместе с многочисленными льдинками забиралась в дырки старых сапожек и обжигала ноги. Когда она добралась до места, то ноги уже ничего не чувствовали. Зайдя в избу, скинула у порога обувку и на цыпочках проследовала к окну. Там под столом были обрезки ткани, она тихонечко спрятала туда свои ледышки. Начала шить рубаху, кто-то вчера принёс отрез.

Мерки снимала сама хозяйка, и кроить не дозволила ученице, а вот смётывать и строчить кинула Полине. А та и рада: довоенный ситец — мягкий, покладистый. Только управилась девочка с заданием, как в дверь постучали, на пороге появился строгий военный, приехавший в отпуск. Красавец обвёл избу взглядом, задержался на Полине, словно первый раз видел. Она вежливо поздоровалась. Из кухни выскочила портниха, увлекла его за собой. Через несколько минут они вышли вместе. Парень держал в руках свёрнутую обновку. Портниха подошла к Поле, объяснить, что ткани ещё осталось, но ей на платье не хватит, только на рубаху младшему брату. Ученица кивнула, поблагодарила военного.

Она искренне обрадовалась, потому что такого дорогого вознаграждения за свою работу в жизни не получала. Портниха — скупая, бывало, поставит к порогу чугунок с горячей картошкой остывать, а у голодной девчушки от запаха белые круги перед глазами плавают. Но ни разу не посмела Полина даже маленькую картошину взять.

Победа! А как жить дальше? Отец с фронта не вернулся, младший брат уши застудил, перестал слышать. Мать возила его в город, обследовали, но, видно, поздно спохватились: он сначала перестал слышать, а потом и говорить совсем перестал, только мычал. Славика определили учиться плотницкому делу, мальчик хоть и не слышал, но всё понимал. Другие братья уехали в город на заработки.

Однажды вечером Полина сидела за машинкой, шила соседке платье. В дом

постучались, на пороге появился тот самый военный, оказалось, что пришёл свататься. Девушка была в смятении, что делать? Мать увела её на повит, уговаривала согласиться, потому что хорошо знала его родителей:

- Доченька, соглашайся, родители у жениха тороватые, будешь кренделями в мёд макать да молоком прихлёбывать.
- Мам, я что, мёда не едала? Сначала бабушка, а теперь и мы пчеловодством занимаемся...

Но потом сдалась, согласилась, пожалела маму.

После того как расписались, муж захватил молодую жену в охапку и увёз жить к себе в деревню. У Добротиных дом хоть и небольшой, но семья справная: скотины полный двор, пасека своя. Ульи после приезда молодожёнов сразу разделили поровну: Герману, его брату и родителям. Только никак не могла Полина взять в толк — почему, когда мёд качали, так получалось, что у деверя урожая всегда было больше всех?

Но прожив несколько лет, догадалась, как всё делалось, но не смела говорить вслух. А дело было так: днём, пока все работали, свекровь совершала грандиозный обмен, а проще сказать — кражу. Запакованные рамочки с мёдом брала у них в домиках и ставила деверю, а им подставляла пустые.

Через год Германа назначили начальником леспромхоза, супругу он устроил работать поваром в детский сад. В шестидесятые годы выделили место под строительство дома, и молодая чета затосковала, где взять денег на строительство? Неожиданно благодать божия спустилась с небес на их пасеку. Накачали янтарного золота столько, что заполнили все ёмкости. Пришлось даже наливать в оцинкованные корыта и ванны. Супруг несколько раз просил у председателя колхоза лошадь. Полина сама запрягала Белоблюшку. Одной пришлось ехать в город, самой стоять на базаре — превращать янтарное золото в советские рубли.

Герман привёз тёс, но сам допоздна задерживался на работе, поэтому Полине с братом пришлось вдвоём строить дом. Вместе корили брёвна, вместе укладывали в сруб, вместе окна конопатили. Вячеслав к тому времени женился на такой же глухонемой, как он. Жили они в посёлке. Брат часто показывал руками, будто вспоминал ту красивую новую рубаху военного времени, на которую остаток ситца отдал Герман.

Муж трепетно относился к Аполлинарии Афанасьевне, словно забрал цветущую герань из родительской деревянной кадочки да пересадил в хрустальный горшочек. Правда, иногда забывал поливать цветочек нежностью, заботой и лаской. Как бывший военный — был требовательный, но справедливый. Семейная жизнь понеслась, как грузовая машина по просёлочным ухабам. То бугорок, то ямка, а то лужа глубокая.

Не успели достроить дом, как мама у Полины ослепла. Взяли к себе жить. Скоропостижно скончался свёкр, а потом вдруг свекровь парализовало, пришлось ухаживать.

Хорошо, что сыновья росли послушными, помогали во всём. Окончили школу, Анатолий институт. Оба отслужили в армии, женились. Безропотно отдала жёнам сыновей Аполлинария Афанасьевна, но сначала было такое впечатление, будто обеих рук лишилась. Долго не могла свыкнуться с мыслью, что её ангелочки живут не дома. Каждый свою жизнь устраивал: у старшего сейчас оба сына женаты, подрастают два внука. У младшего — три дочери, есть две внучки и ещё пополнение ждут. Захару родители помогли кооперативную квартиру купить, а Толик всего сам добился.

— Вот ведь, как отец, всё сам, и так же, как у отца когда-то, развился инсульт, — еле шевелила губами старушка. Она встала, подошла к окну.

Память опять возвратила её в деревню, в их просторный, уютный дом с раскидистыми

яблонями и сиренью под окнами. Тогда они оба уже были на пенсии. Она задержалась на сенокосе, а у Германа в это время гипертонический криз случился. Позвонила сыновьям. На следующий день Анатолий привёз бригаду врачей из области, следом привезли аппарат искусственного дыхания. Тогда тоже ядрёный перец беды на губах жёгся, да она была бойчее, не то, что теперь, в восемьдесят два года. Тогда Герман Макарович цепко за лучик жизни ухватился. Выкарабкался из преисподней. Встал, начал ходить, вот только с головой проблемы начались — забывал, что делал. Однажды надел рейтузы Аполлинарии Афанасьевны (видно, со своими спортивками перепутал) и ушёл в другую деревню. Она до вечера искала его. Привела домой, наплакалась. Восемь лет за мужем ухаживала. Ни одного плохого слова не проронила, хоть и трудно ей достались эти годы.

Но муж — это не сын, не должны родители детей хоронить, это против закона природы. Перед глазами всплыл образ Анатолия, лежачего в реанимации. Глаза у него плотно закрыты, лицо пунцового цвета. Аполлинария Афанасьевна каждый раз, когда приходила, брала сына за руку. Первые дни он сжимал руку, будто отвечал на вопросы мамы, а последние два дня совсем не реагировал. Значит, дело было плохо. А Захар? Как переживал за брата? Он рыдал, не стесняясь никого, громко голосил, выходя из реанимации. Захар не представлял жизни без брата, который, как щит, ограждал его от всех напастей.

Грозно прорычал телефон, Аполлинария Афанасьевна нажала на кнопку:

— Мама, это я, мне позвонили, что Толик пришёл в себя, хочет трели соловья послушать, просит, чтобы его отвезли на родину, в деревню. Я еду за тобой...

Повидавшая много на своём веку женщина верила, что материнская любовь и молитва спасёт сына!

Виталий Козлов Чего вы ждете от меня?

Чего вы ждёте от меня? Очередной шедевр рифмы? Но мысли сыпятся, звеня, Стальными кольцами о рифы, Загромождая небосвод. Ни Бог, ни чёрт не разберёт Всю эту кучу вторсырья, За всё в ответе только Я! Срывался в гневе на других, Работа стала виновата, В душе смеялся нервно псих, Надёжно связанный канатом. Надёжно ли? Хорош вопрос! Не зря все шепчут, что пророс Во мне зачаток силы Зла. И водопадом вниз зола От слова, действия, усмешки... Увидел в каждом смертном пешку! А психу снится чёткий план. Как по ступеням поднимаясь, Он зарождает новый клан, Что будет править, отрекаясь От жалких прихвостней внизу... Не первый год Я так живу... Чего вы ждёте от меня?

Завещание

Когда душа оставит тело, Мне будет в общем все равно, Любовь горела или тлела, А может не было её? Кто другом был, кто подхалимом, Кто мимо просто проходил, Кому я показался милым, Кому дорогу преградил? Зачем я делал то, что делал, И почему любил кино? Когда душа оставит тело, Мне будет в общем все равно... Но завещаю вам одно: Развейте пепел мой над морем, Так легче влиться в пустоту, А гроб закрытый в крематорий Пускай шесть клоунов несут...

Евгения Ko3alok

Запоздалая месть

Что же сегодня за утро такое. Почему так обострились — одиночество, тревожность? То ли у детей какие то проблемы. Звонить не стала. Зачем лишний раз беспокоить. Приедут, расскажут. Отрада в том, что и внуки делятся со мной своими переживаниями, радостью, успехами. Они счастливы, и мне прекрасно. Отдыхаю душой, умиротворяюсь. Дети все устроены. Ради этого приходилось помимо основной работы подрабатывать: шить, и подменной в почтовом отделении. Спать всегда хотелось до онемения. Выдержала. В 75 лет — отдых, хобби. А дети, слава Богу, окончили университеты, институты. Работой довольны. И у них уже дети растут-цветут. И только у старшей дочери, Оли, нет детей. С мужем живут ладненько, в согласии, доброте и понимании. По сорок лет уже, а детей нет. Оля, в детстве была молчаливая. В разговоры-рассказы не бросалась. Спросишь: —Может что болит?

- Нет.
- Пойди, поиграй. К подругам сходи.
- Не хочу.

Подруг, можно сказать, не имела. А с мальчишками вообще отказывалась разговаривать. И только на последнем курсе Университета вышла замуж за Антона.

Когда отца не стало, дети наперебой звали к себе жить. В гостях бываю. Навсегда — не могу. Укоренилась, как старое дерево. Ни пересадить, ни выкорчевать. Умрет.

Да и подружки еще не все ушли в мир иной. Без них никак — источник памяти, оплот дружбы.

С Екатериной и в магазин, и в пенсионный сходили. Почаевничали. Обменялись поселковой информацией, да и разошлись до вечерней встречи у телевизора.

А телевизор то, ни в нынешний вечер, ни через полгода так и не пришлось посмотреть.

Вспомнила, что обещала женщине с соседнего дома отдать вещи дочерей. Взобралась по лестнице к антресоли, чтобы снять картонные коробки с одеждой. Передвигая их, услышала, что что-то упало. Это была коробка от детских сандалий. Открыв, увидела толстый, узкий блокнот — дневник Оли, о существовании которого не знала. Я и предположить не могла, что кто-то из моих детей ведет дневник.

Не знала до этого дня, не знать бы о нем до конца дней моих. Его содержание было шокирующим!!!

Сказать, что я онемела, значить ничего не сказать. У меня каждый атом, каждой клеточки организма прекратил движение. Бренное мое тело не двигалось, не мыслило, не существовало. Буквы сливались, строчки расползались, портрет молодого мужчины, нарисованный Олей, виделся в тумане. Все, о чем читала до, и после этой страницы, в один миг стерлось с памяти. Извилины мозга распрямились, остались без информации. И только одна закрутилась в жесткую, болезненную, раскаленную спираль, превратив мою голову в расплавленную вулканическую магму. Словесное эхо стучало в виски:

«Мама, сегодня меня не станет. Я не могу больше жить, дышать, ходить. Я просто не могу видеть людей, слышать их голоса, видеть улыбки, чье то счастье. Мамочка, родная, меня изнасиловал мужчина. Купив хлеб, шла мимо соседнего дома. На скамейке сидел мужчина, было еще светло, и я не боясь прошла мимо. Вдруг почувствовала удар по голове, кто-то закрыл рот рукой и потащил в подвал. Пыталась вырваться, кричать, но он пьяный, с вытаращенными

глазами шипел мне: «Замолчи, а то убью». И натаскивал мне на голову платье. Вероятно, потеряла сознание, потому что дальше ничего не помню. Ощутила боль, холод. Ног и рук не чувствовала, будто это не я. В подвале сыро, грязно, мерзко. И на сердце тоже мерзко, только во стократ гаже. В подвале темно, на улице немного светлее. Дома никто не заметил, в какое время я пришла домой, потому, что сразу же направилась в ванную. Я страдала, но никто этого не заметил, по ночам плакала, никто не слышал и не догадывался, почему плачу и где мое новое платье. А его, изорванное, грязное, пришлось выбросить. Сердце сжалось в комочек, а душа (я теперь знаю где она) так болела, что сил не было противостоять ей. А у меня только и спросили: «Почему грустная?». И ушли по своим комнатам спать. А я боялась рассказать кому-

В школе не была несколько дней, ссылаясь на головную боль. Не могла я быть там. Ведь все равно ничего не слышала, не видела, не понимала. Была только одна мысль: «Найти, убить. И самой не жить!» Носила с собой нож (самый маленький из набора). Но нигде его не видела. И все же появился. Стоял с парнями около магазина и хвастался, что прекрасно устроился на работу в Симферополе на приборостроительный завод, что все у него хорошо. Боялась, что узнает. Не узнал. Жаль, что был не один. Подошла бы и ударила. Но я ведь маленькая — не смогла. Запомнила лицо. Дома нарисовала.

либо, из вас об этом ужасе. Не знала, что делать в таких случаях.

Мамочка, как ты могла не заметить, что мне плохо, что я изменилась? Мне страшно, больно, стыдно, а ты ничего не видела! Мамочка, родная моя, умоляю, найди этого Славку и плюнь ему в лицо. Ты ведь тоже не сможешь его победить. Найдешь по портрету.

Сестричка и братики простите и вы меня, что не поделилась с вами своей бедой. Пожалуйста, никому ничего не рассказывайте обо мне. Оля».

Дату и год не указала. Да они и без надобности. Я четко вспомнила крик Ани ночью: «Мама, Оля не дышит!» Скорая помощь, реанимация, психолог. И три месяца летних каникул невыхода Оли из дома. Почему же врачи мне ничего не сказали? Тоже не знали? Ограничились объяснением: «Переходной возраст депрессия. Все наладится».

Господи! Оля права. Как я могла не почувствовать, что моей кровинушке плохо? Нестерпимо больно, морально унизительно, гадко, и то, что девочка моя потеряла веру в людей, меня, своих близких. Пережила и простила (а может, и не простила) невнимание родных ей людей. И что жизнь для нее оказалась страшнее смерти!

Какая же я после этого мать? Не просто плохая. Меня и матерью то назвать невозможно.

Я поняла выражение: «Все делать на автомате». Мой «автомат» сработал целенаправленно: детям не звонить, в поселке ничего не говорить, даже Екатерине. Взяла первую попавшуюся летнюю одежду (конец апреля уже), и поехала в Симферополь. О том, где буду жить, как искать Славку, мысли не было. Я знала только одно, обязана найти его!

Ощущал ли кто течение времени, находясь на автомате? Я — нет. Выходят с автобуса, и я за ними. Сумка в руке, значить не отпускала ее и в пути. Большую сумку — в камеру хранения, малую, с изображением Славки, с собой, к заводу.

Шла найти, узнать, подойти и плюнуть в лицо. Это при свидетелях. Убить — глаза в глаза! Натянуть его свитер на физиономию и бить, бить ножом в сердце, прямо в сердце! А вдруг не попаду? Что если там пустота? Точно пусто. Надо бы пистолет — это проще. Раз, и все. Чтобы перед последним вздохом видел не свое счастливое детство, мамин поцелуй, новогодний праздник, а свою черную, паршивую жизнь, глаза моей доченьки, и слышал ее крик. Не свой, а ее крик, ее голос, ее маленькое, дрожащее от испуга, боли, отвращения, тело, счастливое, до встречи с ним, дитя.

Спросила у прохожих: «Далеко ли до завода?»

Оказалось три-четыре остановки. Дойду. Необходимо время, концентрация, не отступать.

Олин рисунок и нож через кожу сумки жгут бок. Мысль, казалось, вполне здравая, никому не показывать его портрет, ни у кого, ни о чем не спрашивать. Искать самой. Ожидать его появления.

Просидела на скамеечке с 11 до 17 часов. Голода не чувствовала. От жажды — вода в бутылке. Вышла первая смена. Вглядывалась в людской поток — искала иголку в стоге сена. Не нашла. И так целый месяц: вокзал — в 7.00 завод, вокзал — в 17.00 завод.

Конец второго месяца. Спать, есть, особо не хотелось. Достаточно было: «Шла через мосток, ухватила кленовый листок...» и далее по сказке. Зрение то ли улучшилось, то ли какаято внутренняя энергия осветляла, приближала лица проходящих мимо меня заводчан. Многих узнавала по походке. Но ненавистного лица не было.

На рисунок уже не смотрела. Он запекся в моих глазах так, как насекомое в янтаре. Если посмотреть в мои глаза, можно увидеть два миниатюрных портрета.

Уборщицы вокзала здоровались со мной. Дали адреса гостиниц, бани, магазинов. Но не только работники вокзала обратили внимание на меня. Две мои сверстницы с дома напротив завода, вероятно, предположили, что я новая их соседка, четко следующая определенному режиму. Сидели втроем, беседовали обо всем: картинах, птицах, море, цветах. О семьях не говорили. Детям звонила еженедельно: «Отдых в Крыму прелестный. Солнце греет, вода освежает, и ваша мама силы пополняет». Верили.

Разговор о цветах, факт узнавания моей персоны и денежный минимум привели в движение извилины мозга. Чтобы не обращали внимания на старушку, ежедневно тупо смотрящую в одну точку — проходная завода — закупила для продажи цветы. Покупали. Раньше, около завода, вероятно, ими не торговали. Все было бы хорошо, если бы не появилась проблема, которую пришлось решить покупкой памперсов для взрослых. Теперь я больше времени проводила около завода, но не задумывалась о том, почему я до сих пор его не увидела. Может он, за двадцать шесть лет изменился до неузнаваемости, в отпуске, или уехал из города. Это же надо было быть полнейшим «автоматом», чтобы эта мысль залетела в мою воспаленную голову через три с половиной месяца?!

И я поняла. Не расспрашивая о нем — не найду. Портрет немного потерся. Сделала ксерокопию. Вначале показывала его заводчанам, покупающим у меня цветы. Потом всем, кто выходили из проходной завода, объясняя, что ищу родственника, о котором знаю только то, что он работает или работал на этом заводе.

Пятый месяц... на конец то узнали. Мужчина, выходящий со второй смены, сказал: «Так это же Славка. Он давно не работает на заводе. Ничего о нем не знаю, работали в разных цехах и сменах. Вот Гришка может знать, где живет Славка, они работали в одной смене». Обрадовалась, что, на конец-то, найду этого ненавистного Славку и сделаю то, ради чего приехала.

Но через день мужчина сказал, что Григорий в отпуске. Уехал к детям в Россию и на работе будет через две недели. Отдала оставшиеся три букета своему информатору, поблагодарила. Решила перевести дыхание, вернее, дышать в другом ритме. Позвонила детям, сказала, что живу у знакомых и у меня все хорошо.

Впервые увидела Черное море. Посетила музеи, прогулялась по паркам. Короче, новый дыхательный ритм, чуть ли не по Бутейко. Надышалась, насмотрелась, дождалась Григория.

Подходила к нему с возвратившимся в прежнее русло, дыханием, с бьющимся прямо в горле сердцем и мыслью: «Только бы Григорий не был другом этого не человека, иначе мне очень тяжело будет общаться с ним». Ну, хоть в этом луч света — не друг, просто знакомый.

Славку не видел несколько лет. Адрес знает, и даже порадовался, что его ищет родственница. Не спрашивала ничего о Славке. Мне необходим был только его адрес. Но Григорий сам рассказал, что Славка уже десять лет не работает, парализовало. Передвигается с помощью инвалидной коляски. И случилось это с ним после трагедии с его дочерью. Дочь изнасиловали и убили. Жена умерла через два года после смерти дочери. Сын в тюрьме, за воровство. Заводчане помогли Славке в организации похорон, добились предоставления ему социальной помощи и работника по уходу за ним и квартирой.

Благодарить Григория за помощь не было сил. Только головой кивала, как игрушка моих детей. Была у них такая собачка, если ее поставить на наклонной поверхности — зашагает вниз, и при этом двигаются голова и хвостик. Как живая. А я, наоборот, остолбенела от услышанного... Дорога, с наклоном под девяносто градусов мне не помощник. Ноги и по наклонной не двигались. Провалилась в пропасть, в тартарары. Такого просто не может и не должно быть! Почти полное совпадение судеб наших дочерей! Это нереально!!! Вспомнил ли он в тот миг мою дочь, когда узнал, что случилось с его дочерью? Что чувствовал?

Ехала посмотреть в глаза этому поддонку, плюнуть в лицо, задушить, разорвать на части, убить. Форма мести не важна. Главное — уничтожить!

Четвертый день сижу у подъезда. Жду, когда социальный работник выкатит на прогулку этот оставшийся клочок человеческой подлости. Мысли путаются. И такой четкий, намеченный несколько месяцев назад план, стал рассыпаться как песочный замок. Он разрушался, и не было сил собрать его снова, руки то ватные.

Открылась дверь подъезда. Я его сразу узнала. Вернее узнали его мои глаза с двумя миниатюрными портретами, которые как птички вылетели, воссоединились в один и остановились в воздухе, рядом, с мало похожим оригиналом, с жидкими седыми волосами на склоненной голове, несвязной речью и висящей, как плеть, рукой.

На деревянных, оловянных, короче, нечувствительных ногах подошла, наклонилась, посмотрела ему в глаза и спросила: «Помнишь девочку четырнадцати лет, которую ты двадцать шесть лет назад изнасиловал в подвале?» И плюнула в это ненавистное моей дочерью и мной лицо!!!

Отшатнулся, в глазах испуг, губы дрожат. Пренеприятное, мерзкое зрелище! Не человека я видела перед собой, а тело без сердца. Пустота. А значить и убивать то некого...

А нож в сумке жег теперь не бок, а мое сердце. Подумала: «Вот и нож в сердце, но только в мое»...

Врачу «Скорой помощи» успела сказать Олин номер телефона и попросила передать слово в слово: «Оля, доченька моя родная, я нашла Славку и плюнула ему в лицо!!! Прости, доченька».

Благодарности

Наш электронный адрес — gazeta buk@mail.ru

Адрес нашего сайта — http://buk-journal.ru

Адрес нашего форума — http://buk-journal.ru/forum/

Адрес нашей группы на сайте Вконтакте — http://vk.com/buk_journal

Адрес нашей страницы на сайте stihi.ru — http://stihi.ru/avtor/gazetabuk

Адрес нашей страницы на сайте proza.ru — http://proza.ru/avtor/gazetabuk

Адрес нашего блога — http://blogs.mail.ru/mail/gazeta_buk/

